

Рё потратил последние силы на то, чтобы как можно скорее добраться до земель князя Содзёбо. Он переводил дух в тени старой камелии и наблюдал, как медленно умирает день.

Скоро князю доложат о его возвращении — даже на подходе к Лесу Скрытой Силы у Содзёбо повсюду были шпионы. Но Рё уже знал, что следовало сказать, чтобы князь выслушал его, а не приказал отдать на прокорм своему ненасытному стражу. Рычание горного демона и голодные глаза, с жадностью следившие за каждым, кто проходил мимо его клетки, порой снились Рё в кошмарах.

Когда лощёный бок солнца скрылся за ближайшей горой, Рё поднялся и отряхнул кимоно. В протекавшем неподалёку от горной тропы ручье он тщательно умылся и разгладил лапками шёрстку на мордочке. Как бы ни сложилась его судьба, Рё достойно предстанет перед князем и никому не позволит назвать себя грязным оборванцем!

Как он и предполагал, на подходе к Лесу Скрытой Силы его уже поджидали слуги князя. Словно по немой команде, они расступились, стоило им только завидеть приближение Рё. А когда он поприветствовал их, один лишь хмыкнул в ответ, а второй, похожий на обтянутую кожей жердь, даже не удостоил взглядом. Брезгует, похоже, знаться с таким

духом на побегушках, как он. Но даже невзирая на прохладный приём охраны, Рё не пал духом. Уверенность в том, что новости, которые он принёс, придутся князю по душе, крепла с каждым шагом.

Вскоре тропа резко вильнула вбок и скрылась за густыми зарослями глицинии. Рё раздвинул гибкие ветви, ниспадавшие до самой земли, и шагнул на поросшую сочной зелёной травой поляну.

В прохладном вечернем воздухе волнами раскатывалась музыка. То на сямисэнах играли наложницы князя. Рукава и подолы дорогих шёлковых кимоно стлались за прекрасными девушками, будто притоки горных ручьёв. Ветер играл длинными распущенными волосами наложниц, которые они никогда не собирали в высокие странные причёски, как людские женщины. От каждой из девушек исходил просто умопомрачительный запах — даже зацветающей по весне сливе не по силам было сравниться с его утончённой прелестью.

Рё быстро зашагал мимо красавиц, не смея даже дышать в их сторону. Князь Содзёбо был очень ревнив, и потому не стоило нарываться на неприятности.

Сам же князь отдыхал под навесом в дальнем конце поляны. Сейчас он принял свой излюбленный облик огромного человека с красной кожей, покрытой узорами древних, как мир, защитных заклинаний. Роскошное шёлковое хаори было украшено причудливой вышивкой, изображавшей Хякки Якó, Ночной Парад Сотни Демонов. Каждый год духи со всей округи шествовали к Лесу Скрытой Силы, чтобы выразить князю своё почтение. Уже совсем скоро должна была настать заветная ночь, и князю, похоже, не терпелось дожидаться этого события. В огромных крепких пальцах князь Содзёбо сжимал деревянную стопку, наполненную сливовым вином. Глаза были закрыты — похоже, наслаждался музыкой.

Рё порыскал глазами вокруг. Серокожего, словно громадный валун, горного демона нигде не было видно, и потому

ёкай не сумел сдержать тихого вздоха облечения. Сразу его демону не скормят, и то ладно.

Но стоило Рё приблизиться к князю, как тёмные, словно дно бездны, глаза обратились на него. Рё тут же поспешил опуститься на колени и распластаться перед князем в самом почтительном поклоне. Травинки защекотали нос, и Рё едва сдерживался, чтобы не чихнуть. Ему показалось, что прошла целая вечность, пока князь наконец изволил обратиться к нему.

— *Вот и ты,* — рокочущий бас князя прокатился по полю. Рё разогнулся и уселся прямо на траву, поджав лапы под себя — он не преступник, чтобы стоять перед князем на своих двоих. — *Не думал, что вернёшься так скоро. Чем порадуешь меня в этот чудесный вечер?*

Рё позволил себе немного расслабиться. Похоже, князь находился в добром расположении духа, а на бóльшую удачу ёкай и рассчитывать не смел.

— *У меня есть новость, которая заинтересует вас, князь,* — начал Рё.

Содзёбо осушил рюмку. Стоявший неподалёку прислужник с бледно-зелёной, как брюхо рыбины, кожей тут же оказался рядом, подхватил рюмку и снова наполнил её из пузатого кувшина.

Когда пальцы князя сомкнулись на рюмке, он снова заговорил:

— *Нашёл?*

— *Да, князь.*

— *Прекрасно!* — С этими словами Содзёбо протянул свободную руку. Огромная ладонь раскрылась, словно чашечка какого-то хищного цветка.

Видя, что Рё медлит, князь нахмурился. Чтобы не усугублять своё положение ещё больше, ёкай принялся объяснять:

— *Я нашёл Кёсин, как вы и велели, князь. Но...*

— *Не принёс его, так?* — перебил Содзёбо, не дав и шанса оправдаться. На лицо его набежала тень, а от взгляда, и без того внушавшего опасения, затряслись лапы. — *Отвечай.*

— *Не принёс*, — прошелестел Рё.

Только теперь он понял, что голос его прозвучал в полной тишине. Музыка смолкла, и Рё ощутил на себе недовольные взгляды наложниц. Если князь разгневается, то достаться может и им тоже.

— *Но зато я нашёл кое-кого ещё*, — поспешил добавить Рё, пока над Лесом Скрытой Силы не разразилась самая настоящая буря. — *Человека, которого вы жаждали отыскать не меньше, чем зеркало.*

Теперь во взгляде князя заблестел интерес. Он взмахом руки отпустил наложниц — по траве зашуршали полы дорогих одежд — и наклонился ближе к Рё.

— *Говори*, — смерив его подозрительным взглядом, приказал Содзёбо. — *И если я заподозрю в твоих словах хотя бы каплю лжи, наступления ночи ты уже не увидишь.*

Рё с трудом сглотнул и принялся рассказывать о встрече, которая произошла каких-то жалких несколько часов назад. Он старался не упускать ни малейшей подробности: описал, как изменилось лицо того молодого монаха, как только он взглянул в зеркало, как в отражении промелькнул демонический лик со сверкающими глазами, от одного воспоминания о котором по-прежнему становилось не по себе...

Князь слушал очень внимательно. Пока Рё говорил, напряжение, исказившее черты лица князя, уступало место сосредоточенности. Даже когда ёкай закончил свой рассказ, князь не пошевелился и ни разу не моргнул — настолько глубоко, похоже, он погрузился в свои мысли.

Наконец Содзёбо встрепенулся и опрокинул в себя очередную рюмку. Но когда прислужник дёрнулся, чтобы снова наполнить её, князь покачал головой. Слуга с почтением поклонился и, прихватив с собой бутылку, засеменял прочь.

— *Если его и впрямь все эти годы прятали среди монахов, тогда ничего удивительного, что поиски ни к чему не привели*, — пробормотал князь себе под нос. Но Рё неотрывно

следил за каждым его движением, и эти слова не ускользнули от его внимания.

Он до сих пор не мог взять в толк, зачем князю искать какого-то человека. Все знали, что тэнгу сильнее прочих ёкаев недолюбливали людей, считая их причиной множества бед, обрушившихся на Тейсэн — в том числе и оскудения магии. Но князю Содзёбо не было дела до досужих домыслов, раз за столько лет его желание вести поиски так и не ослабло. Напротив, он был готов простить Рё, что тот не принёс ему Кёсин — зеркало, которое князь желал вернуть уже давно, — за одни лишь сведения о нужном ему человеке. Значит, тот и впрямь был очень важен для князя.

И Рё непременно собирался выяснить почему.

— *Где сейчас этот монах?* — От неожиданного обращения князя погрузившийся в свои мысли Рё вздрогнул.

— *В Ганрю. Мы условились, что я вернусь за зеркалом сегодня в час Крысы. Он поклялся именем Владыки, что отдаст зеркало.*

К изумлению Рё, князь расхохотался.

— *Глупый мальчишка! Такими клятвами не разбрасываются на пустом месте.*

— *Ему зачем-то понадобилось зеркало,* — припомнил Рё. — *И он пытался убедить меня, что не обманет и вернёт его.*

— *Что же, это только облегчит тебе работу.* — В глазах князя мелькнул хищный блеск, от которого Рё стало не по себе. — *Возвращайся в Ганрю и не спускай с монаха глаз. А когда представится удобный случай, убеди его прийти сюда — вместе с Кёсин, разумеется. Сделаешь, как велено, и можешь быть свободен.*

Рё замер на месте, не в силах поверить в услышанное.

— *Вы правда отпустите меня, князь?* — с трудом выдавил он.

— *Содзёбо всегда держит своё слово,* — последовал надменный ответ, и более Рё не удостоился даже взгляда.

Пока князь не передумал, ёкай поспешил обратиться с поляны. Прежде чем пуститься в обратный путь, он хотел немного отдохнуть и захватить в дорогу какой-нибудь снеди — охотиться в здешних лесах толку не было. Всю лучшую дичь забирали себе тэнгу, а есть всякую падаль он был не намерен.

Помощник повара узнал его и помог собрать небольшой узелок, куда положил несколько лепёшек, рисовых колобков и парочку вяленых рыбин. Бóльшим разжиться Рё попросту не успел. На кухню заявила одна из наложниц, которая всё ещё была сердита на сорванную игру на сямисэнах, и, провожаемый её бранью, Рё поспешил отправиться восвояси.

УМИ

Воды реки Ито утягивали Уми всё глубже на дно, а глазастые тени надвигались со всех сторон всё плотнее. Когда первая из них коснулась запястья, Уми с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

Теперь она начала жалеть о том, что так опрометчиво сунулась в воду. Появление матери обрушилось на неё, словно ледяной дождь, убивающий молодые и неокрепшие всходы на полях. Ей лишь хотелось оказаться от этой женщины как можно дальше.

И понять, почему она так жестоко поступила с ней. Почему ушла тогда, не сказав ни слова.

«Покажите мне, — мысленно возвала Уми к теням, перебегаая взглядом от одного зыбкого лица к другому. — Я должна знать...»

Но закончить мысль Уми не успела. Тени протянули к ней свои призрачные руки — и она начисто забыла и об охватившей её злости, и о немигающих взглядах, на дне которых сумела различить отблески давно минувшего. Как и тогда, в пруду,

перед глазами поначалу замелькала нескончаемая вереница смазанных образов — так осенний шквалистый ветер срывает пёстрые листья с деревьев и уносит их вдаль.

Но в следующий миг перед внутренним взором Уми раскинулась гладь реки, укутанная ночным мраком. По воде плыла лодка, на носу её, разгоняя тьму, висел бумажный фонарь. В лодке сидели двое — мужчина и женщина. Когда свет озарил бледные лица людей, Уми узнала в них своих отца и мать.

— Миори, — проговорил отец, как показалось Уми, с затаённой в голосе глубокой печалью. Такого тона у отца ей ещё не доводилось слышать, и потому Уми сделалось страшно от охватившего вдруг острого чувства неминуемой беды. — Может, не стоит с этим спешить? Я найму лучших врачей из столицы или даже из Глэндри, только, прошу..

— У нас нет на это времени, — голос матери был сдавленным, будто она сдерживала слёзы, но слышалась в нём и решимость. Уми с горечью узнала в этой интонации свойственное себе упрямство следовать пути, который избрала, и никуда с него не сворачивать.

Мать хотела сказать что-то ещё, но видение переменялось так же неожиданно, как и началось. Теперь с неба ярко светило солнце, а от широкой реки остался лишь её небольшой приток, на берегу которого сидели женщина и девочка лет шести.

— Мама, почему же мы раньше не пошли в балаган? — Девочка носилась вокруг матери, а та, бледная, будто только что увидела жуткого духа, опустилась на траву. — Тут так здорово!

«Почему снова она?» — хотела закричать Уми, но не смогла выдать из себя ни звука. В видениях теней она была не более чем безмолвным призраком — отголоском будущей жизни, в которой мать отказалась от неё.

— Что с тобой? — маленькая Уми вдруг замерла возле матери и требовательно заглянула ей в лицо. — Тебе плохо?

— Все нет, — слабо улыбнулась Миори Хаяси. — Просто хочу полюбоваться горами вместе с тобой.

Она похлопала по траве подле себя.

— Садись-ка. Я хочу рассказать одну историю. Думаю, она тебе понравится. Как-то на свете жила одна принцесса...

Но услышать продолжение рассказа Уми так и не довелось. Всё перед глазами снова смешалось, и на сей раз она оказалась в саду родного дома — видимо, то было воспоминание сущностей из пруда.

Мать сидела на берегу совсем одна. Глаза у неё были покрасневшими и припухшими, будто она долго плакала. Вечерний ветерок развеивал выбившуюся из причёски прядь, но Миори Хаяси глядела прямо перед собой и, казалось, совсем ничего не замечала вокруг.

Когда рядом с ней вдруг выросла небольшая тень, Миори даже не вздрогнула. Не оборачиваясь, женщина сдавленно проговорила:

— О-Кин, дай мне слово, что позаботишься о ней.

Дзасики-вараси опустила рядом. Такого мрачного лица у ёкай Уми не видела, даже когда воруяга Сан навлёк на них гнев тэнгу из Леса Скрытой Силы.

— *О-Кин обещает*, — глухо ответила ёкай. — *Но больше О-Кин беспокоится за тебя.*

— Не стоит, — мать ласково улыбнулась ей. — Ты не хуже меня знаешь, что есть вещи, которые мы не в силах предотвратить.

— *Это не так!* — горячо воскликнула дзасики-вараси, и её тёмные глаза заблестели от подступивших слёз. — *К ночи О-Кин успеет собрать духов со всей округи, и вместе мы прогоним эту дрянь!*

Но Миори лишь тяжело вздохнула и покачала головой.

— Она стала намного сильнее, чем прежде. Такого врага не победить грубой силой...

Как Уми ни старалась, она не могла взять в толк, о чём шла речь. У неё не оставалось ни малейших сомнений, что этот разговор был важен, но его смысл ускользал, словно юркий сверчок из сачка.

Неожиданно стопы Уми прорезала боль, и видение снова оборвалось. Но на сей раз ему на смену не пришло новое. Окружавшие Уми тени исчезли, словно их никогда не было. Зато порезанные камнями ноги снова пронзила острая боль — и Уми опустила голову.

Из глубины на неё уставилась пара налитых злобой глазок. Лодыжки Уми обхватили крепкие, покрытые склизкими перепонками пальцы.

Похоже, кровь разбудила спавшего на глубине реки каппу.

От нехватки воздуха мучительно сдавило виски. Но Уми всё же нашла в себе силы, чтобы как следует дёрнуть ногой — и удар пришёлся точно в цель. Не ожидавший отпора каппа отпрянул, держась за плечо, и злобно зашипел. Но вместо ругательств у него из клюва вырывались одни пузыри.

В другой ситуации это зрелище позабавило бы Уми, но только не теперь. Это на суше каппа был слаб и почти безобиден, но сейчас он находился в родной стихии и потому стал гораздо сильнее. И опаснее.

Не дожидаясь, пока каппа придёт в себя, Уми быстро заработала ногами, устремившись к слабому зеленоватому свету, где был воздух — и вся её жизнь. Хвала Дракону, что она не последовала за тенью далеко на глубину, и потому вскоре смогла вынырнуть, жадно хватая ртом воздух.

Но каппа набросился на неё со спины и снова утянул под воду. Его когтистые пальцы больно вцепились в спину, и крик Уми потянулся к поверхности вереницей пузырей. Вместе с воздухом, без которого ей была уготована верная смерть.

На границе видимости мелькнула тень. Похоже, ещё один каппа учуял кровь и теперь спешил разделить с собратом неожиданное угощение.

Но нет, Уми не желала, чтобы всё для неё закончилось вот так. Стать ужином для ёкаев, что может быть унижительнее! В конце концов, на зов её силы отзывается стихия воды. Быть

может, если обратиться к ней, вода защитит её — как тогда, в святилище Поющих Сверчков?

«Помоги мне, *Симидзу!*» — мысленно взмолилась Уми, пытаясь сбросить с себя каппу. Теперь она знала имя стихии и надеялась, что та ответит.

Но река молчала. Силы покидали Уми, перед глазами замелькали тёмные пятна. Почувяв, что жертва ослабла, каппа крепко обхватил Уми поперёк груди, выдавливая остатки воздуха, а затем потащил за собой на дно.

Уми могла лишь трепыхаться в его хватке, словно вытащенная на сушу рыбина. В ушах начало шуметь, тьма застилала взор, а тело разом стало тяжёлым, будто каменным...

Но в угасающем сознании неожиданно ярко возникли слова:

«То, что kami расценили как подношение, забирать нельзя, иначе быть беде».

Уми не помнила, кто мог сказать ей такое и где. Но теперь это было неважно. Сама толком не сознавая, что делает, Уми стянула с запястья браслет из драконьей слезы, который ей подарил Ёсио, и выпустила его из слабеющих пальцев.

«Прими его, — мысли путались, но Уми настойчиво продолжала твердить про себя нужные слова, точно молитву. — Прими моё подношение, *Симидзу*, и помоги, прошу...»

Когда второй каппа вцепился ей в ноги и провёл по ранам своим поганым языком, Уми уже не смогла найти в себе сил, чтобы сопротивляться. Темнота обступала со всех сторон, всё внутри пылало огнём от недостатка воздуха...

Но вдруг хватка ёкая разжалась, и какая-то сила вытолкнула Уми наверх. Миг — и вспененные воды реки оказались прямо под ней, а сама Уми словно зависла на гребне волны, которая вскоре с грохотом обрушилась вниз.

Всё закурилось, утонуло в шуме реки, и на глаза Уми опустилась темнота.

